

E. A. THOMPSON, A History of Attila and the Huns, Oxf., 1948,
28 стр.

Несмотря на значительное число работ по истории гуннов, появившихся со вре-
мен Дегиня и Гиббона, далеко не все ее стороны могут считаться достаточно разра-
ботанными. Прежде всего это касается социально-экономической истории гуннов, обус-
лавившей характерные черты их развития — эфемерность «государства» Аттилы и бы-
строе исчезновение гуннов с арены европейской истории. Буржуазные историки боль-
шей части ограничивались описанием политической истории гуннов, концентрируя
все внимание на личности Аттилы, военному гению которого приписывались наивыс-
шие успехи завоевателей и создание огромной «империи», простиравшейся от Пред-

Вестник древней истории, № 2

кавказья до Центральной Европы. Лишь немногие из них касались вопросов экономики и социального строя гуннов. В этой связи рецензируемая книга представляет несомненный интерес.

Работа Е. А. Томпсона состоит из восьми глав; первая из них посвящена обзорным источникам, четыре главы (2-я и 4—6-я) носят чисто повествовательный характер и подробно излагают политическую историю гуннов с момента их появления в Европе до распада племенного союза Аттилы. «Остальная часть книги,— указывает Томпсон во введении (стр. 2 сл.),— посвящена попытке объяснить повествование, содержащееся в этих главах. Что определяло характер действия гуннов? Что дало им возможность совершить столь потрясающие действия? Каким народом они были? Пытаясь ответить на эти вопросы, я посвятил главы 3-ю и 7-ю попытке анализа материалов цивилизации и социальной организации гуннов. Представляется очевидным, что общество, засвидетельствованное сообщениями Аммиана, значительно отличается от того, которое посетил Приск. Если мы хотим понять общество, породившее Аттилу, мы должны проследить, как это общество стало таким, каким его возглавил Аттила. Естественно, именно эти разделы книги: глава 3-я — «Гуннское общество до Аттилы» и глава 7-я — «Гуннское общество при Аттиле» представляют для нас наибольший интерес и будут основным предметом настоящей рецензии.

Предварительно необходимо остановиться на круге источников, привлеченных автором и определивших хронологические и территориальные рамки его труда. В книге очень широко использованы письменные источники, прежде всего сообщения греческих и римских авторов. Томпсон считает, что в настоящее время история гуннов может быть восстановлена исключительно по данным греческих и римских путешественников. Он правильно указывает на то, что большинство авторов, писавших о гуннах, в той или иной степени находились под влиянием Аммиана Марцеллина и Приска Панийского. Можно согласиться с утверждением автора о «разительном отличии» Приска от Аммиана по самому характеру использования исторического материала (стр. 6—12). Оба они обильно используют античных авторов, вводя в свой текст значительные отрывки из произведений предшествующих писателей при описании современных им событий. Но у Аммиана — это лишь стилистический и литературный прием, поиски наиболее выразительной формы описания событий, о которых сам он имел реальные сведения. Приск же обращался к предшественникам для восполнения пробелов в своих знаниях. Достоверность произведения Приска уменьшается обильным цитированием сообщений классических авторов о различных передвижениях племен и военных операциях, о которых сам Приск не имел никаких сведений. Это сочетается с хронологическими и географическими промахами Приска с его невежеством в военных вопросах. Но, указывая на эти недостатки, Томпсон правильно подчеркивает огромное значение труда Приска для истории Восточной Европы V в.: если другие авторы говорят об изолированных фактах, то лишь один Приск рассказывает историю основных событий.

Однако нельзя не отметить, что круг литературных источников далеко недостаточен для решения поставленных Томпсоном проблем, тем более что большинство письменных сообщений о гуннах в высшей степени тенденциозно, как правильно подчеркивает и сам автор. Томпсон полностью отказывается от использования археологического материала и пытается обосновать этот отказ тем, что в силу самой природы гуннского общества «мы не можем рассчитывать на открытие значительных следов их археологических памятников» (стр. 5). Действительно, особенности общества степных скотоводов-кочевников — отсутствие прочной экономической базы, регулярно развивающегося ремесла, значительная зависимость от материальной культуры населения вновь захваченных областей — создают большие трудности при археологическом выявлении гуннов. Но гунны имели, конечно, определенную материальную культуру, без которой было бы немислимо ни самое существование их общества, ни их победы над хорошо вооруженными римскими и византийскими войсками. Автор упоминает лишь о некоторых спорных находках на территории Венгрии, исследованных в свое время Альфёльди и Такачем. Однако при изолированном рассмотрении этих находок

нельзя не только получить представление о материальной культуре гуннов, но даже и доказать принадлежность самих венгерских находок гуннам. Определить характер материальной культуры гуннов, проследить следы их по археологическим памятникам можно лишь при учете памятников всех территорий, пройденных гуннами в их движении на запад. Советской археологией уже много сделано в этом направлении. Группы памятников, несомненно, принадлежавших гуннам, открыты на территории МНР (знаменитый Ноин-улинский могильник), а также в ряде пунктов на территории СССР. Таковы гуннские городища в районе Улан-Удэ, многочисленные могильники в Таласской долине, Центральном Тяньшане, Фергане, Ташкентском оазисе, Чаткальской долине, Чон-Алае. Отдельные элементы материальной культуры гуннов (украшения с инкрустацией ноин-улинского типа) открыты в «болотных городищах» Приаралья, развитие этих элементов прослежено в западном Казахстане. Огромное значение имеет открытие гуннских могильников на нижней Волге, причем некоторые из них относятся к I—II вв. н. э. и свидетельствуют о раннем проникновении гуннов к восточным границам Европы. Отдельные, пока еще разрозненные следы гуннов отмечены на Кавказе и в Крыму. Так, этап за этапом советские археологи открывают реальные следы гуннского движения на запад, засвидетельствованного китайскими письменными источниками. Без этих данных, без изучения гуннских памятников на востоке, и прежде всего на территории СССР, невозможно выяснить истинный характер тех гуннских памятников, которые успешно изучаются сейчас венгерскими учеными. Томпсон полностью игнорирует как работы советских исследователей, так и последние достижения венгерских археологов. Это и приводит его к неверному заключению о невозможности использования археологических данных при решении вопроса о гуннах. Главы о социально-экономическом строе гуннов построены лишь на основании неполного и одностороннего освещения письменными источниками и фактически лишены фундамента.

С этим же связан еще один крупный недостаток книги. Томпсон полностью отказывается от решения вопроса о связи западных гуннов, упоминаемых в античных источниках, с восточными гуннами китайских летописей. «В этой книге мы, подобно тому как делали римляне,— пишет он (стр. 2),— довольствуемся началом истории гуннов не в Монголии, а в бассейне Кубани, сознавая, что о них ничего не известно вплоть до конца IV в., когда они напали на остготов». В другом месте он уже определенно отрицает связь западных гуннов с восточными, приводя слова Бари: «Это смертельный прыжок из империи северных Цинь в степи России, и тот, кто предполагает его, опирается на крылья фантазии, а не на факты» (стр. 1).

Движение отдельных групп гуннов на запад, начавшееся еще в I в. до н. э., с достаточной четкостью засвидетельствовано китайской исторической наукой, достигшей высокого развития еще в глубочайшей древности. После разгрома китайцами северных гуннов в 36 г. до н. э. часть их была отброшена на запад, и с этого времени началось проникновение небольших, разрозненных групп гуннов вплоть до границ Восточной Европы. С этим связаны и древнейшие упоминания европейских авторов (Птолемей и др.) о гуннах. Движение гуннов на запад значительно усилилось после разгрома их племенными союзами Сяньби и Тоба. Сообщения письменных источников, полностью согласуются с приведенными выше археологическими данными. Наконец, массовое нашествие IV в. было обусловлено внутренними, социально-экономическими причинами, о которых речь будет идти ниже. Путь гуннов на запад освещен различными видами источников, согласующихся между собой, он является реальным, исторически доказанным фактом и опирается на фактические данные, а отнюдь не на «крылья фантазии». Томпсон, как и многие его предшественники, игнорирует эти факты, что значительно сужает круг его источников и обесценивает ряд его построений и выводов. Нельзя требовать от автора обязательного рассмотрения всей истории гуннов, как западных, так и восточных. Само по себе исследование, посвященное заключительному этапу истории гуннов, вполне закономерно. Но автор, стремящийся к материалистическому объяснению основных закономерностей истории гуннов, не должен игнорировать исторический путь, пройденный гуннами на востоке.

Нельзя понять особенности социально-экономического строя гуннов на западе, не выяснив причин, обусловивших их движение на запад. Классики марксизма указали на эти причины: «... давление избытка населения на производительные силы,— пишет К. Маркс,— заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума. ...Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»¹. Грабительские войны, которые гуннские орды в течение нескольких веков вели против Китая, привели к значительному обогащению гуннской верхушки, к еще более резкому социальному расслоению, к паразитическому характеру экономики гуннов. «Война,— пишет Энгельс,— которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»². Эти положения должны быть исходным пунктом при изучении экономики и социального строя гуннов в Европе. Томпсон игнорирует их, и это приводит к ряду серьезных ошибок при исследовании характерных черт гуннского общества, которому автор приписывает чуть ли не изначальное развитие в Европе. Слова автора о том, что общество кочевников было не статично, а динамично, естественно, не вызывают возражений. Но само построение, при котором гунны за 50—70 лет проходят путь от родового строя почти не тронутого еще разложением, до автократически управляемой «империи Аттилы и затем чуть ли не в течение 10 лет возвращаются к исходной точке своего развития, принято быть не может.

Рассмотрим это построение более детально. В момент появления в Европе гунны, заявляет автор (стр. 41), по характеру своей экономики и материальной культуры находились на «нижней стадии пастушества». Основу хозяйства составляло кочевое скотоводство. К продуктам скотоводства добавлялись продукты охоты и собирательства. Земледелия не было совсем. Собственного ремесла, в том числе и ткачества, не было. Крайняя примитивность хозяйства и главным образом экстенсивность скотоводства создавали необходимость в обширных пастбищах для сравнительно небольших групп. Группы эти были организованы по племенам. Племя состояло из нескольких кланов, а высшая единица — *il* (народ) — из нескольких племен. Среднюю численность одного гуннского племени Томпсон исчисляет в 5 тыс. человек, клана (*γενεα*) — в 500 человек.

Основу социальной организации составляла патриархальная семья, дожившая без существенных изменений до времени Аттилы. Когда каждый мужчина, подчеркивает автор, был занят длительным наблюдением за стадами, когда условия голода очень часто преобладали среди гуннов, праздный или даже полупраздный класс выделиться еще не мог. Основываясь на сообщении Аммиана (и полностью ему доверяя), Томпсон заключает, что гунны не имели постоянного общего предводителя, каждая группа довольствовалась «случайным предводительством знатнейших» (*tumultuario primatum facti*). Томпсон не определяет, кто такие *primates*, ссылаясь на отсутствие данных у Аммиана, зато он подчеркивает, что их *ductus* существовал лишь в военное время (а какое время у гуннов не было военным?). Но и тогда временные предводители не пользовались никакой традиционной или юридической властью: они имели право лишь незначительного или непрямого принуждения (*little or no right of coercion*). В мирное же время власть их не намного превышала власть любого другого взрослого мужчины. В явном противоречии с нарисованной выше картиной крайне примитивных общественных отношений находится утверждение автора о наличии у гуннов в этот период развитой частной собственности и рабства. Томпсон сам видит это противоречие: «...если

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278 сл.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1952, стр. 170.

primates, — недоумевает он (стр. 45), — были просто теми, кто наследовал (следовательно, предполагается и институт наследственности. — Н. М.) больше собственности, то станет полностью непостижимым тот факт, что ductus практически не существовал в мирное время. Класс собственников никогда не медлит извлечь полную политическую выгоду из своих политических и социальных преимуществ». Однако автор ограничивается недоумением и не пытается разрешить это противоречие.

В связи с вопросами экономики и социального строя гуннов Томпсон останавливается на вопросе о численности их в момент появления в Европе. Основываясь на численности племен и на относительной изоляции племен друг от друга, Томпсон приходит к выводу о сравнительно небольшой численности гуннов вообще и их военных сил в особенности. «В свете прямых свидетельств наших источников, — пишет он (стр. 50), — вместе с тем, что нам известно о кочевых империях вообще, мы можем с уверенностью заключить, что ужасные (enormous) нашествия гуннов были произведены смехотворно малой группой всадников». С малочисленностью гуннов, изолированностью отдельных племен и отсутствием больших племенных объединений Томпсон связывает такие явления, как непрочность договоров между гуннами и Римом, действия отдельных племен то на одной, то на другой стороне; наконец, этим же он объясняет, что между римлянами и гуннами долгое время не произошло ни одного крупного сражения и на дунайской границе в конце IV в. царило относительное спокойствие (стр. 48). Однако возникает естественный вопрос: каким образом эти разрозненные, немногочисленные группы, лишенные металлического оружия (стр. 52), сумели нанести поражения римлянам? Автор пытается объяснить это рядом обстоятельств. Некоторые из них достаточно существенны. Такова прежде всего внутренняя слабость Рима и связанное с этим плачевное состояние римских военных сил. Действительно, гуннам противостоял «... лишь жалкий остаток, смутная традиция древней римской тактики»¹. Существенна также была помощь, оказанная гуннам народами, угнетенными Римом, и восстания угнетенных классов (depressed classes), не раз открывавшие гуннам ворота римских крепостей. Другие причины, указанные Томпсоном, менее существенны, и некоторые из них не выдерживают никакой критики. Наиболее ярким примером последнего могут служить рассуждения автора о «психологическом оружии» гуннов. «Победы гуннов, — пишет он (стр. 50 сл.), — не были следствием их численного превосходства. Что же было их оружием? Все до единого источники повествуют об ужасе, который вызывали гунны одним своим видом. Очевидно, наружность этих новых пришельцев и одежда из шкурок сурка волновали солдат Империи, привыкших к тому, что противники их по крайней мере выглядели и одеты подобно им самим. Это психологическое оружие должно было иметь большое военное значение...». Вряд ли подобные соображения могут быть признаны достаточно вескими.

Но и другие соображения автора в целом не могут быть признаны убедительными. Как бы ни был ослаблен Рим, он обладал еще военными силами, достаточно организованными и вооруженными, чтобы легко отбить нападение «смехотворно малой группы всадников». Ни отпадение покоренных Римом племен, ни восстания угнетенных классов не активизировались бы в момент гуннского нашествия, если бы на границах Рима появилась не грозная военная сила, а лишь разрозненные конные банды. Наконец, не следует забывать, что и до столкновения с Римом гунны огнем и мечом прошли всю Восточную Европу, разбив ряд сильных племенных союзов — аланский, готский и др. Это обстоятельство озадачивает и самого Томпсона, который, кстати, допускает значительное преувеличение, говоря о «великой остготской державе», ниспровергнутой гуннами. Объяснение он пытается найти в межплеменной розни внутри племенных союзов. Такая рознь, в частности отпадение ряда племен от готского союза, действительно имела место и сыграла известную роль. Но объяснить полностью военные успехи гуннов и оправдать их немногочисленность это обстоятельство не может. Томпсон сам понимает это и пытается дать другое объяснение разгрома гуннами европейских племенных союзов (стр. 58). «Эрманарх, Витимер и Видерик

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 2-я, стр. 387.

не могли быть разбиты отрядом в 1000 воинов, — пишет он. ... Представляется, что мы имеем здесь дело с конфедерацией группы племен). Однако допущение возможности конфедерации противоречит всему состоянию гуннского общества, той «низшей стадии пастушества», о которой пишет Томпсон. Пытаясь разрешить это противоречие, автор указывает, что конфедерация (на существование которой указывают Иордан и Созомен) была явлением временным, исключительным, для этого времени непотребным. Создана она была якобы специально для разгрома остготов, а вождь ее Баламбер был выдуман готами для объяснения их разгрома. Эти не выдерживающие никакой критики утверждения лишь окончательно запутывают вопрос как о причинах военных успехов гуннов, так и об их социальном строе вообще.

Общая картина гуннского общества в конце IV в., нарисованная Томпсоном, лишена четкости и содержит ряд неразрешимых противоречий. С одной стороны, автор пишет о крайней примитивности хозяйства, о забывчивости родового строя, об отсутствии «праздного класса», с другой, — он указывает на наличие развитой частной собственности, института наследственности, класса (!) собственников, наконец, рабов. Наряду с утверждением о немногочисленности гуннов, о разрозненности отдельных племен он говорит о создании больших конфедераций, о согласованных и целеустремленных действиях гуннов.

Томпсон не представляет себе четко и последовательно закономерности экономического и социального развития первобытного и формирования классового общества. Пагубную роль сыграл также отказ от изучения конкретно-исторических условий в которых протекала древнейшая история гуннов, прежде всего соприкосновение их с великой цивилизацией древнего Китая; эти условия в значительной мере определяют своеобразие истории гуннов в целом. Томпсон в частных случаях ссылается на книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но определяя этапы социально-экономического развития гуннов, он пользуется путанными сочинениями буржуазных социологов, с помощью которых и конструирует «нижнюю ступень пастушества», наделенную всеми указанными выше противоречиями.

Если бы Томпсон более внимательно отнесся к основным положениям книги Ф. Энгельса, он увидел бы, что конкретные черты общества гуннов в момент появления их в Европе характерны не для ветропнутого разложением родового строя, а для последнего его этапа. «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру — пишет Энгельс. — Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их... Военачальник народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом... Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей»¹. Свидетельства источников о гуннах полностью согласуются с этой характеристикой. Томпсон, ссылаясь на Аммиана, говорит об отсутствии у гуннов в конце IV в. военачальника. Но при всем значении труда Аммиана нельзя каждое слово его принимать как абсолютную истину. В литературе неоднократно указывалось, что Аммиан наделял гуннов традиционными чертами скифов и северных варваров вообще (Мэнчен-Хэлфэн, Альфёлди). Сам Томпсон указывает (стр. 6), что Аммиан никогда не наблюдал гуннов лично и информация получена им из вторых рук. С другой стороны, нельзя просто и голословно отрицать сообщение Иордана о наличии вождя конфедерации гуннских племен — Баламбера.

Неправильно также и решение автором вопроса о численности гуннов. Он считает, что «смехотворно малые группы всадников» могли увеличиться лишь впоследствии, когда земледельческие народы Европы начали работать на гуннов. Но в том то и дело, что земледельческие народы подвергались ограблениям со стороны гуннов задолго до IV в. Паразитический характер гуннского общества сложился еще на Востоке. Там, в соприкосновении с цивилизованными народами Китая и Средней Азии, началось и достаточно бурно протекало — вспомним богатые погребения гуннской

¹ Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 169 сл.

нати в Ноин-Уле — разложение родового строя у гуннов, приведшее к выделению и резкому обогащению родовой верхушки, к созданию больших конфедераций племен, к превращению войны в постоянный промысел. Все движение гуннов на Запад было целью непрерывных грабительских войн, заключительным этапом которых явилось массовое вторжение в Европу в конце IV в. Разрозненные действия гуннов, участие отдельных племен в войнах на стороне римлян против своих собратьев является признаком не примитивности, а разложения, когда жажда грабежа приводила к противоречиям как между отдельными членами рода, так и между отдельными племенами. С подобными «междоусобицами» мы встречаемся у гуннов и позднее — вспомним борьбу Ульда с Гайной, Аттилы с Бледой. Некоторые цифры, приводимые в китайских и европейских источниках, могут быть преувеличены, но превращение огромной гуннской орды в «смехотворно малые группы» всадников полностью антиисторично. При характеристике экономики гуннов следует учитывать несомненное наличие среди них, как впоследствии среди монголов, пленных ремесленников, снабжавших их прежде всего предметами вооружения. Поэтому мечи, о которых упоминает Аммиан (XXXI, 2, 9), и прочее металлическое вооружение не только импортировались и захватывались, но и производились рабами-ремесленниками из награбленного сырья.

Следует обратить внимание еще на один момент. Выше уже указывалось, что Томпсон объясняет относительное спокойствие на дунайской границе в конце IV в. немногочисленностью и разрозненностью гуннов. Однако никаких фактических данных, подтверждающих такую мысль, нет, а сама она представляется совершенно неправдоподобной. Орда, разбившая аланов и остготов, была достаточно сильна для нападения на территорию Империи. Но на рубеже IV и V вв. основные силы гуннов были втянуты в длительную и упорную борьбу «со всеми скифами», т. е. с племенами Восточной Европы, среди которых значительную роль играли славяне. Римские и византийские авторы вряд ли могли быть осведомлены об этой борьбе, но все же смутные упоминания о ней мы находим у Филосторгия и Зосима. Лишь после временного и непрочного покорения этих племен, выйдя из борьбы значительно обескровленными, гунны начали нападения на Империю. Покоренные племена были включены в гуннскую конфедерацию, начало которой было положено покорением алан и, частично, готов. Конфедерация держалась целиком на насилии. Европейские племена очень скоро почувствовали жесточайший гнет, неизбежно связанный с паразитическим характером общества гуннов, и начали активную борьбу против них. Свидетельством непрочности гуннской конфедерации, отпадения от нее ряда племен являются неоднократные требования выдачи перебежчиков, предъявляемые гуннами Риму и Византии.

Не лишено некоторых ошибок и изложение дальнейших судеб гуннского общества в книге Томпсона. Сам автор предупреждает читателя (стр. 61): «ясно, что неправильно было бы говорить о столь же быстром возрастании могущества гуннов, как и падение его впоследствии». Но весь текст книги полностью противоречит этому совершенно справедливому замечанию. Гуннское общество после 370 г. развивается с совершенно неправдоподобной быстротой. Уже для первого десятилетия V в. Томпсон (стр. 58), ссылаясь на Олимпиодора, подчеркивает разницу между военным вождем конфедерации племен — *φύλαρχος* или *πρωτος των ἔθνων* (до 408 г. таким вождем был Ульд) и вождями отдельного племени — *ῥήγες* (бывшие *primates* Аммиана). А с 412 г., когда гуннов посетил Олимпиодор, «царская власть становится permanentным институтом по крайней мере среди части гуннов» (стр. 59). Вывод Томпсона сделан под влиянием приведенных мною выше положений Энгельса, но автор считает, что война превратилась у гуннов в промысел лишь в Европе, лишь после встречи с остготами, в которых автор видит (стр. 61 сл.) первый (!) земледельческий народ на пути гуннов.

Окончательное оформление гуннской конфедерации, учреждение в ней «политической унификации», Томпсон относит к 420 г., когда во главе гуннов стал Руа. Действительно, к этому времени были покорены и ограблены многочисленные племена Восточной Европы, в гуннские военные силы были включены значительные, хотя и крайне ненадежные, иноплеменные контингенты. Паразитический характер гуннского

общества требовал непрерывного притока богатств. Начиная с 30-х годов гунны значительно активизируют свои действия против Империи. Однако тыл их и теперь оставался ненадежным: Приск сообщает, что еще в 435—439 гг. Бледа и Аттила вели упорную борьбу за подчинение «народов Скифии».

Рассматривая состояние гуннского общества при Аттиле, Томпсон приводит цифры, характеризующие скопление богатств в руках гуннской верхушки. Цифры весьма убедительны. Достаточно указать, что размер ежегодной дани одной толмы Византии возрос с 350 либр золотом в 430 г. до 2100 либр в 443 г.; стоимость выкупа одного пленного с 408 по 443 г. выросла в 12 раз. Воздействие притока этих богатств на гуннское общество было, конечно, достаточно существенным. Приток ценностей вызвал дальнейшее ослабление собственной экономической базы гуннов, усугубил паразитического характера всей их экономики и вместе с тем всего их общества. И гунны превратились в «паразитическое общество мародеров» не под воздействием римской дани и не в 40-х годах V в. Авторитет вождя конфедерации и авторитарный характер его правления были усилены победами 40-х годов, но их начало следует искать в гораздо более раннее время.

Структура гуннского общества середины V в. представлена Томпсоном подробно и, как мне представляется, правильно. Аттила, единолично возглавивший гуннов в 445 г., был полноправным правителем; он властен над жизнью и смертью своих подданных, власть его ничем не лимитируется и никак не контролируется. Ближайшее окружение Аттилы составляли *λογαδες* или *ἐπιτραπεζιοι*; *λογαδες* собирали отдельные территории, обладали собственными вооруженными силами, сбирали дань у покоренных народов, выполняли дипломатические поручения. *Λογαδες* зависят только от Аттилы и подчиняются ему одному, они означают полный отрыв гуннской верхушки от массы кочевников, окончательный крах родовых отношений. приближение гуннского общества к тому состоянию, которое акад. Б. Я. Владимирцев у монголов назвал «кочевым феодализмом». Среди них самих существовала известная иерархия, на что указывает определенное распределение мест на пирах у Аттилы. По предположению Томпсона, это свидетельствует о том, что территории, которыми каждый из них правил, были неравными по величине, населению, богатству и стратегическому значению. *Λογαδες* и богатством своим, и привилегиями, и положением в обществе резко отличались от массы кочевников. Можно согласиться с Томпсоном, когда он все гуннское общество в середине V в. называет «паразитическим обществом мародеров». Покоренные племена подвергались непрерывным ограблениям и самой зверской эксплуатации, характер которой с достаточной яркостью передан Приском: «Будучи преисполнены презрения к земледелию, они (гунны) снабжались продовольствием за счет готов и хватали его подобно волкам, так что готы находились на положении рабов и выбивались из сил для пропитания гуннов». Известное сотрудничество гуннской верхушки с верхушкой покоренных племен было необходимо гуннам для удержания этих племен хотя бы во временном повиновении. Но общей картины это, конечно, не меняет. С ростом завоеваний людские ресурсы гуннов, всегда слабые, истощаются окончательно, их нехватает даже для полицейской службы среди покоренных народов. Страшная разбросанность сил и нехватка людей приводят к еще большему ослаблению собственной экономики гуннов. В источниках нет никаких указаний, что во времена Аттилы гунны активно занимались скотоводством. «Вместо того чтобы пасти скот,— отмечает Томпсон (стр. 177),— они научились более выгодному делу — пасти людей». «Иными словами,— пишет он далее (стр. 181),— производственные возможности гуннов были исключительно примитивными в момент появления их в Европе; в дни же Аттилы, как результат пути, по которому шло развитие гуннского общества, они вовсе не имели собственных производственных возможностей и полностью зависели экономически от покоренных народов и Восточной Империи».

Не удовлетворяясь ограблением сельскохозяйственных народов Европы, которые, по сообщению Приска, стали подобны рабам, гунны пытались использовать рабский труд и в прямой его форме. Они прибегали к «импортированию сельскохозяйственных рабочих»: массы покоренного населения,— как сельских, так и городских жителей,—

насилу перегонялись в далекие районы и принуждались к сельскохозяйственному труду. Еще в 395 г., когда была опустошена значительная часть Сирии, массы пленников были угнаны к северу от Кавказа; во время кампаний 441—443 и 447 гг. неоднократно угонялись жители балканских городов. Все эти меры лишь подчеркивают катастрофическую слабость и ненадежность экономической базы гуннов. Можно отметить, что подобного рода «импортирование крестьян» имело у гуннов достаточно длительную традицию: при исследовании гуннских поселений в Бурят-Монгольской АССР открыты следы земледелия, которым, по ряду признаков, занимались пленные китайцы.

В целом Томпсон нарисовал достаточно яркую и убедительную картину гуннского общества времен Аттилы. Но пути создания этого общества, формирование характерных черт его, как я уже указывал, представлены неполно.

Не сделал автор и достаточно четких выводов из разобранного им материала. Основной причиной слабости гуннов и быстрого краха их «империи» Томпсон считает большую разбросанность гуннских военных сил, распыленность их, концентрацию вокруг многих мелких «князьков», лишь временно и непрочно сплоченных при Ругиле и Аттиле. Между тем это не причина, а следствие,— оно само обусловлено экономической зависимостью гуннов от покоренных народов. Эти причины определяют ряд специфических черт социального строя гуннов, прежде всего несоответствие экономического базиса (экстенсивное регрессирующее скотоводство, отсутствие сельскохозяйственной и ремесленной базы) и надстройки (раздувшиеся социальные институты, резкий стратив и обогащение верхушки общества при сохранении ряда черт родового строя и т. д.). Эти причины обусловили и молниеносный крах «империи» Аттилы — этого колосса на глиняных ногах. Потерпев ряд решительных военных разгромов, гунны, — или, вернее, — остатки их, потеряв даже свое имя, были поглощены европейскими народами, обладавшими более высокой экономикой и более прочным социальным строем.

Рецензируемая книга, как я уже указывал, представляет несомненный интерес. Она выгодно отличается от основной массы работ современных буржуазных историков древнего мира. Томпсон резко отвергает давно уже установившийся в буржуазной историографии культ Аттилы (в этом отношении интересна убедительная попытка развенчать Аттилу как полководца и дипломата), он ищет социально-экономические причины основных явлений истории гуннов, он обращается к марксистской литературе. Но при этом Томпсон не проявляет должной последовательности. Большим недостатком книги является неиспользование автором данных советской науки. Это привело к тому, что, правильно в основном нарисовав общество гуннов в эпоху Аттилы, Томпсон не сумел показать пути, который привел гуннов к этому состоянию, не разрешил основные вопросы социально-экономической истории гуннов.

Н. Я. Мерперт